

Структура обращений в письмах Анны Иоанновны, Герцогини Курляндской

Агамоглонова Джамиля Вагиф гызы

*Студентка Бакинского филиала Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Баку, Азербайджанская Республика*

В XVIII веке в результате реформ Петра I в России изменяется языковая ситуация. В XI–XVII веках литературным языком на Руси был церковнославянский [Ремнёва: 17], в XVIII веке его позицию занимает формирующийся русский литературный язык.

Важными для истории русского языка представляются тексты, созданные в первой четверти XVIII века – то есть в эпоху формирования новой языковой ситуации. Предметом нашего изучения личные и официальные письма 1716–1729 гг., написанные герцогиней Курляндской Анной Иоанновной (1693–1740) и опубликованные Археографической комиссией (см. [Письма...]).

Женское письмо как особый тип текста крайне мало изучено. Но важно отметить, что, как пишет А.В.Белова, «часто именно женские письма преобладают в составе семейной переписки ...отражая концентрировавшиеся вокруг отдельных женщин коммуникативные связи семьи» [Белова: 13]. Таким образом, в женских письмах в чистом виде проявляется языковой тип, наиболее характерный для образованных кругов конкретной эпохи.

Анна Иоанновна стала герцогиней Курляндии в 1710 г. и оставалась ей вплоть до вступления на императорский престол в 1730 г. Она вела переписку со своим дядей императором Петром I, его супругой Екатериной, их детьми (Петром, Анной, Елизаветой, Натальей), а также с придворными (А.Д.Меньшиковым, его супругой Д.М.Меншиковой, В.М.Арсеньевой, А.И.Остерманом, В.Л.Долгоруковым и др.).

Лингвистические аспекты писем Анны Иоанновны никогда ранее не изучались. В данной работе мы рассмотрим формы обращений к разным адресатам. Обращение крайне важно при выстраивании коммуникативного акта, оно задает «позиции» коммуникантов, маркирует их социальный статус и заранее настраивает читающего на восприятие дальнейшего текста. Структура и форма обращений регламентирована не только личными отношениями между людьми, но и этикетом.

Можно выделить следующие группы адресатов, обращения к которым имеют структурные и формальные различия:

1. Письма к императору Петру I или императрице Екатерине I.

Обращения в письмах к императору и императрице строились по следующей модели: *Государь мой дядюшка, батюшка Царь Петръ Алексеевичь! Государыня моя тетушка, матушка Царица Екатерина Алексеевна!*

В этом обращении *государь / государыня* – стандартное приветствие, *дядюшка / тетушка* – указание на родственные связи с отправителем, *батюшка Царь / матушка Царица* – устойчивая формула, восходящая к фольклорной традиции. Таким образом, в обращениях обозначаются и социальные (император ~ подданный), и родственные отношения (дядя / тетя ~ племянница).

В этих обращениях Анна Иоанновна проявляет себя как человек «традиционной» культуры. Представители «новой» культуры, создаваемой Петром, в письмах обращаются к императору иначе: *Всемиловейший государь* (Я.Ф.Долгорукий, [Письма и бумаги...: 365]), *Всемиловейший мой государь* (П.Мурзин, [Там же: 367]).

2. Письма к родственникам.

Обращения к родственникам строились по модели, подобной предыдущей: *Государь мой братецъ, Царевичъ Петръ Петровичь! Государыня моя сестрица, Царевна Анна Петровна! Государыня моя сестрица, Царевна Лизаветъ Петровна!*

Здесь *государь / государыня* является стандартным элементом приветствия, *братец / сестрица* указывает на родственные связи коммуникантов, *царевич / царевна* – на статус.

В обращениях к родственникам наблюдается разная степень «близости»: чем теснее родственные связи, тем свободнее формулировки обращений. Если к детям Петра, своим двоюродным братьям и сестрам, Анна Иоанновна обращается «стандартизированно», то к своей сестре герцогине Мекленбургской Екатерине Иоанновне и ее дочери Анне Леопольдовне она обращается более свободно: *Дарагая моя племянница! Сестрица, свет мой, царевна Екатерина Ивановна; Сестрица, матушка моя.* Судя по обращениям, в данном случае родственные связи оказываются более значимыми, чем социальные.

К своему двоюродному племяннику императору Петру II Алексеевичу Анна Иоанновна обращается исключительно *Пресветлейшей Государь Императоръ*. Родственные связи в этом случае даже не озвучиваются, вероятно потому, что в этом случае родственные связи противоречили социальным: племянник в родственной иерархии оказывается ниже тетки, тогда как император России не может быть ниже по статусу, чем герцогиня Курляндская. Следовательно, обращение к Петру II как к племяннику оказывалось в принципе невозможно.

3. Письма к придворным.

Анна Иоанновна переписывалась с целым рядом придворных, в том числе с А.Д.Меньшиковым, фаворитом Петра. Обращения к А.Д.Меньшикову и его супруге Д.М.Меньшиковой, В.Л.Долгорукову строились по следующей модели: *Светлейший князь Александра Даниловичъ; Светлейшая княгиня Дарья Михайловна!, Князь Василей Лукичъ!* В письмах к Меньшиковым встречаются также обращения только по титулу: *Светлейший князь! Светлейшая княгиня!*

Вероятно, придворный этикет требовал обращения с указанием титула только по отношению к князьям (высший титул в иерархии придворных), потому что к другим придворным Анна Иоанновна обращается только по имени и отчеству: *Андрей Иванович!* (А.И.Остерман), *Павел Иванович!* (П.И.Ягужинский), *Варвара Михайловна!* (В.М.Арсеньева).

Таким образом, мы видим, что социальные, родственные и этикетные отношения определяют в письмах Анны Иоанновны структуру обращений. В то же время они характеризуют Анну Иоанновну как человека «традиционной» культуры; демонстрируют противоречие родственных и социальных статусов коммуникантов; позволяют выявить круг людей, отношения с которыми были наиболее значимыми.

Литература

Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М., 1995.

Письма русских государей и других особъ царскаго семейства. Переписка Герцогини Курляндской Анны Ивановны. М., 1862.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

Письма и бумаги Петра Великого. Том XIII, Вып. 2. М., 2003.

Эволюция управления предлога «*между*» в русском литературном языке XVIII-XXI веков

Валова Евдокия Алексеевна

*Студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Данная работа посвящена эволюции управления русского предлога *между*. Данный предлог может употребляться с зависимыми как в творительном, так и в родительном падеже:

(1) В Риме для Кипренского пришло время последнего выбора **между суровой жизнью подлинного художника и позолоченным существованием модного живописца**. [К. Г. Паустовский. *Орест Кипренский (1936)*]

(2) Он высокого роста, одет в летнее пальтецо, такое узкое, что **между пуговиц** распирает, и видно ситцевую под ним рубашку. [И. С. Шмелев. *Лето Господне (1927-1944)*]

Целью работы было выявить частотность обоих вариантов и их соотношение, выявить факторы, влияющие на выбор того или иного падежа, а также проследить эволюцию управления предлога.

Для исследования использовались материалы Национального корпуса русского языка. При этом не учитывались данные поэтического подкорпуса. Весь массив текстов был разбит на временные интервалы по двадцать пять лет, из каждого интервала случайным образом были отобраны двести пятьдесят примеров. Далее производился количественный анализ примеров с творительным и с родительным падежами для конкретного временного интервала, подсчитывалось общее соотношение падежей для каждого из них. Затем на основании полученных данных строился график, отражающий изменение доли генитива в выборке. Также учитывались примеры с контаминацией генитива и инструменталиса при сочинении зависящих от предлога именных групп:

(3) Сколько прелестных роц вблизи, не более 300 шагов за цепью, прелестные долины, но цепь граничит нас, и мы **между гор, морем и цепью** сидим, как в клетке, и ходим лишь за цепь на фуражировки, где некогда наслаждаться прелестями природы. [Н. В. Симановский. *Дневник 2 апреля -- 3 октября 1837 г., Кавказ (1837) // «Звезда», 1999*]

Изначально предполагалось, что частотность сочетаний предлога *между* с зависимыми в родительном падеже со временем возрастает.

В работах по русскому синтаксису более распространена противоположная точка зрения, ср., например: «В современном языке такие сочетания [с род. п. – Е.В.] существуют лишь в виде фразеологизмов (*между двух огней, между строк*) или в поэтической речи» [Кириченко: 189].

Тем не менее, наша гипотеза в ходе исследования подтверждается изученным материалом. Как видно на графике, сначала доля генитива в среднем не превышает десяти процентов, затем постепенно увеличивается.

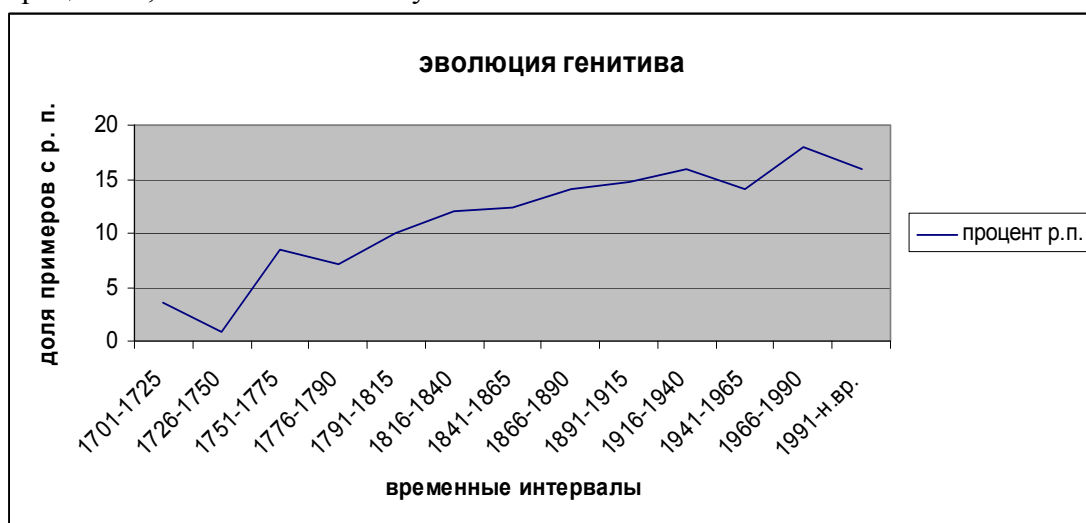

График 1

Следующей целью стало выявление факторов, влияющих на выбор того или иного падежа. Предположение, согласно которому наличие того или иного падежа

обусловлено характером текста, подтвердилось лишь отчасти: только в некоторых временных интервалах генитив чаще встречается в текстах, далеких от литературной нормы, или выполняет стилистическую функцию.

Таким образом, необходимо было установить, в каких условиях предпочтительнее может оказаться тот или иной падеж. В рамках этой задачи, в частности, для каждой именной группы, зависящей от предлога *между*, необходимо было учесть характеристики окружающего ее контекста. Так, например, если в предложении после предлога *между* и его зависимых следует именная группа в творительном падеже, существует тенденция к употреблению генитива:

(5) *Мы проезжаем деревню с широкой засугробившейся улицей и спускаемся с небольшой горы в старинный седой парк с просвечивающими между деревьям огнями.* [П. А. Сергеев. Вечер в Ясной (1910)]

Согласно нашей гипотезе, предпочтение генитива в подобных случаях обусловлено стремлением избежать некоторой «грамматической неловкости», возникающей за счет того, что в предложении подряд следуют две (или более) именные группы в одном и том же падеже, и при этом заполняют разные валентности глагола.

Кроме того, в ходе работы было установлено, что предлог *между* может сочетаться с именной группой в единственном числе, причем такие примеры, хотя и немногочисленные, встречаются на протяжении всего рассматриваемого периода, ср.:

(6) *Государь сие узнал и между дворянством дал им место за их храбрые дела.* [Д. И. Фонвизин. Торгующее дворянство (1766)]

Когда мы начали разбор «Тартюфа», я как ученик, записывал все на полях пьесы или между текстом. [Александр Калягин. Ясность (1990-2000)]

Подобные примеры встречаются как для творительного, так и (в ранний период) для родительного падежа. Нашей целью было установить, какие факторы делают такое употребление возможным. Для этого из исследуемых временных интервалов были отобраны примеры с интересующими нас сочетаниями, затем для каждого из них проводился семантический анализ именных групп, подчиняющихся предлогу.

Исследование показало, что подобное употребление возможно в том случае, если зависимое слово носит собирательный характер. Также в единственном числе после предлога *между* могут употребляться существительные, обозначающие явления, которые можно условно разделить на «кванты»:

(7) *Их голоса мы слышим только в перерывах между музыкой.* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», № 6,7, 1961]

В этом мы видим некоторое сходство с глагольным семельфактивом.

Помимо этого, выяснилось, что наличие зависимых (распространенность именной группы) также облегчает возможность появления единственного числа:

(8) *Сооружившая Монумент Славы Петра императрица Екатерина, сев на суда у летняго своего дома прибыла к пристани, вышед на берег, шествовала на уготованное при Сенате ей место, между строя воев своих.* [А. Н. Радищев. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего (1790)].

Таким образом, в ходе работы были изучены языковые примеры с 1701 года по настоящее время. Количественный анализ показал, что, несмотря на преобладание творительного падежа после предлога *между*, доля примеров с генитивом постепенно возрастает. Отчасти употребление того или иного падежа связано с характером текста. Помимо этого, в некоторых случаях приоритет родительного падежа может быть обусловлен окружающим контекстом.

Далее, число, в котором стоит именная группа, подчиняющаяся предлогу *между*, связано с ее семантикой и степенью распространенности, что подтверждается материалами исследования: единственное число возможно лишь в том случае, если при

существительном есть зависимые или если его значение носит собирательный характер.

Литература

Кириченко А.С. Семантическая структура предлога «*между*» // Исследования по теории грамматики. М., 2002. Вып.2. С.183-198.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

«Хоры» А.П. Сумарокова в контексте народной культуры

Гончаренко Мария Александровна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета,

Санкт-Петербург, Россия

Опубликованное накануне празднование коронации Екатерины II описание маскарада «Торжествующая Минерва» состоит из стихотворений. Подавляющая их часть (11 из 12) представляет собой хоры, которые пелись разными персонажами во время маскарада, посвященного коронации — грандиозной театрализованной процессии, ездившей в течение трех дней по улицам Москвы. В хорах широко используются сюжеты и приемы народной поэзии, что служит дополнительным доказательством авторства А. П. Сумарокова, отличавшегося тонким чувством народной стихии.

Стихия народного праздника проявилась уже в дате представленного маскарада (30 января, 1, 2 февраля 1763 года), совпавшего с последними днями масленичной недели. Это совпадение усиливает карнавальность маскарада и делает прозрачной смысловую направленность содержащихся в тексте фольклорных аллюзий. В хорах сказалось влияние разных фольклорных сюжетов, жанров и даже отдельных произведений. Так, «Хор к Превратному свету» восходит одновременно и к былине «Птицы и звери» [Гильфердинг 1950: 400], и к текстам лубков, обыгрывающих сюжет «мир навыворот». Различимы в нем и традиции польского народного стиха [Мочалова 1985] и традиции других фольклорных жанров.

Особое внимание обращают на себя частые, прямые и косвенные, упоминания дьявола и элементы «заумной» речи в «Хоре ко гордости», придающие тексту яркий inferнальный оттенок и вызывающие ассоциации с текстами заговоров, детских считалок и др. Что означает «шерин да берин», ставший в русской культуре своего рода паролем в мир нарушенных логических связей (Державин, Козьма Прутков)? В книжной литературе его предшественников можно встретить при передаче речи иностранца (интермедии), в фольклоре — в былинах Кириши Данилова. Однако независимо от происхождения сумароковской зауми, ее функция в «Хорах» — указать на связь человеческих пороков, зла с иррациональной, темной, хаотической природой. Ведь «абракадабра — потенциально полисемантический текст, которому присуще гностическое всезнание в абсурде». [Богданов 1993: 193].

Четкое разделение маскарада на две части: сатирическую (9 хоров) часть сменяет панегирическая (3 хора), связь сатирических хоров с народной смеховой культурой, и переплетение традиций русской масленицы и западноевропейского карнавала [Миллер 1884] делает возможным следующее предположение. Маскарад «Торжествующая Минерва» был задуман как некая метафора. Карнавал — это рождение нового бога Солнца, Марса, а масленица — проводы, смерть зимы, встреча весны и солнца, сопровождающие их обряды символизируют перерождение и даже воскрешение через уничтожение, падение и хаос. В «Торжествующей Минерве» именно это и происходит перед нами проходят уродства общества, чтобы умереть, а обществу возродиться к новой жизни — в мудрости, чистоте, созидании. Общество должно пережить воскресение в новой эпохе, которую явят собою не только новый аграрный год, но и царствование новой императрицы — Минервы.

Литература

Богданов К.А. Абракадабра как заговорная модель. Пределы структурирования. // Русский фольклор XXVIII. Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. С. 185-197.

Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. М., 1950. С. 400-403.

Миллер В. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884.

Мочалова В.В. Мир наизнанку. Нар.-гор. лит. Польши XVI-XVII вв. М., 1985.

**Фонетические варианты церковнославянизмов региональной деловой
письменности XVIII века**

Красикова Маргарита Николаевна

Аспирантка Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, Россия

Традиция исследования церковнославянских элементов в русской лингвистике чрезвычайно богата. Прежде всего, она связана с художественной литературой, в которой единицы церковнославянского языка выполняют особую роль, внося в произведения оттенки высокого стиля. Предметом же данного исследования являются тексты деловой письменности, в которых церковнославянизмы выполняют иные функции и приобретают новые значения.

Церковнославянские элементы, как в художественной литературе, так и в деловой письменности, могут проявляться на различных уровнях, однако остановимся на одном из них – фонетическом.

Как известно, в донациональный период на территории Руси церковнославянский язык функционировал как язык книжности и являлся языком богослужения, языком церкви. В период формирования национального общерусского языка церковнославянизмы, проникая в деловую письменность, как правило, начинают использоваться в функциях, ранее им не известных, при этом в некоторых жанрах делопроизводства функции церковнославянского языка сохраняются.

Так, в сфере церковной документации в XVIII в. наряду с восточнославянскими словами (огород, серебряный, золотой и др.) продолжают активно употребляться слова церковнославянского языка. Например, неполногласные формы (*средина, древо, серебро, злато, глава и др.*) и слова с – щ – на месте этимологического *tj (*нощь, больницный и др.*).

Очень часто фонетические признаки церковнославянского языка используются для стилистической маркированности слов, применяемых в деловом языке нового времени в качестве стилеобразующих средств.

Такие яркие формальные признаки, как неполногласие (*глас* – одно из значений “голос человека”; *ограда* – в словаре Срезневского данное слово имеет значения “забор, стена, ограда”, “загон, загороженное место для скота”, “жилище, нора”, “предел” [Срезневский, Т.2, Ч.1: 607]. В забайкальской деловой письменности XVIII в. – “Участок земли при крестьянском дворе, огороженный забором; крестьянский двор”), *щ* на месте древнего *tj (*нощной* “ночной”, *нощь* “ночь”, *отвещать* “отвечать”), *жд* на месте древнего *dj (*надежда, одежда, возждь, рождение, хождение, обаждение* “клевета, ложное обвинение”), и др. как нельзя лучше подходят к выполнению стилистических функций.

Кроме того, некоторые слова, пришедших из церковнославянского языка, стали терминами делопроизводства. Прежде всего, сюда относятся лексические средства с неполногласием.

В деловом языке XVIII в., открывшем доступ церковнославянизмам, из всех лексем с корнем *град-* особо употребительным является прилагательное *градской* (*градский*). Это слово активно употребляется в составных наименованиях, которые в деловом языке получали терминологическое значение. Так, в памятниках

забайкальской деловой письменности XVIII в. отмечены устойчивые словосочетания *градской человек* (мн. *градские люди*), *градское общество*, *градская полиция*. Расценивать подобные словосочетания как устойчивые, получившие функцию составных наименований позволяет то, что прилагательное *градской* выступает во всех случаях с фразеологически связанным значением. В целом словосочетание приобретает, как уже отмечалось выше, терминологическое значение. Например, составное наименование *градской человек* (варианты: *градской житель*, *градской обыватель*) выступало со значением “член градского общества, обычно владеющий здесь недвижимой собственностью” [Сл. XVIII в., вып.5: 210-211]. Соответственно, словосочетание *градское общество* обозначало “жителей города, имеющих право участвовать в выборах магистрата и т.п.; граждан” [там же: 210]. Характерно то, что разъяснение подобных составных наименований дается и в исторических трудах. Так, в работе «История государственных учреждений дореволюционной России» Н.П. Ерошкина толкуется составное наименование *градское общество*, под которым понимается привилегированная часть общества, получившая «право юридического лица»; «оно могло заводить собственность, иметь доходы с имущества, собирать с городского населения специальные сборы и т.п.» [Ерошкин 1983: 407].. Неполногласная форма – *глава* – в забайкальской деловой письменности употребляется в сочетании с прилагательным *городская* и служит для обозначения должностного лица.

Итак, обобщив все выше сказанное, приходим к выводу, что церковнославянизмы фонетического уровня в делопроизводстве XVIII в. могут использоваться в разных стилистических функциях: 1) в качестве стилеобразующих средств, 2) в качестве терминологии делопроизводства и 3) в качестве средств высокого слога.

Литература

Ерошкин Н.П. История Государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

Словарь русского языка XVIII века. М., 1986.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989.

Особенности перевода лексики в «Притчах Эссоп» Ильи Копиевского

Крюк Екатерина Константиновна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Работа выполнена при поддержке
Совета по грантам Президента РФ
для поддержки молодых российских ученых
(МК-1256.2011.6).

Книга «Эссоповы притчи» была издана Ильей Копиевским в типографии Тесинга в 1700 году. Латинский текст басен был взят из издания, предназначенного для школьников: *Fabulae Aesopi graece et latine nunc denuo selectae...* Amsterodami, 1672. В книге приведены 40 басен с переводами.

Мы рассмотрим особенности перевода лексики на примере 14 басен. Копиевский старался перевести текст максимально точно, используя для этого пословный перевод. Но иногда он отходил от этого принципа, добавляя или убирая некоторые лексемы, делая тем самым текст понятнее и привнося в него новые оттенки смысла.

По классификации техник перевода К.А. Максимовича (см. [Максимович]), Копиевский пользуется следующими техниками:

1) Адаптирующая – семы, не актуальные для переводящего языка, заменяются на актуальные. Например, *indoctos* («неученных, некультурных») – переводится как *не книжныхъ людей* (притча 5).

2) Конкретизирующая – значение при переводе сужается. Например, в одном случае *canis* («собака») переводится как *сука* (притча 3), в другом – как *песъ* (притча 7).

3) Обобщающая – видовое понятие переводится родовым. Например, *tubus* («ежевика, ежевичный куст») переводится как *кустъ* (притча 1), *turdo* («дрозда») – как *птицу* (притча 6).

4) Дополняющая – появляются лексические дополнения, привносящие новую информацию в текст. Например, *omnium pedestrium* («всех обычных») переводится как *встхъ животныхъ на земли* (притча 3), *momordisset* («ужалила, укусила») – как *оустъче его вногу* (притча 6).

5) Сокращающая – лексемы, содержащие незначимую для понимания текста информацию, могут опускаться. Например, *rete accepto & arundinibus* («взяв сеть и смазанные клеем прутья для ловли птиц») переводится как *пріемши стъти своя* (притча 6), *access facilia fieri* («по мере приближения легким (податливым) становится») – как *доступна Бываютъ* (18);

6) Описательная – лексические дополнения поясняют текст, не привнося при этом в него новую информацию. Например, *ut serme moreretur* («что речью задержалась (умерла)» = потеряла дар речи) переводится как *сице яко Аки мертва Бысть* (притча 18), *male a se mutuo asserti* («сильно (много) друг от друга получившие») – как *паразиша другъ друга* (притча 16).

7) Контекстно-семная – лексема переводится не в ее основном значении, а в том, которое актуализируется в данном контексте. Например, *opere* («груз, тяжесть») переводится как *дрова* (притча 4), потому что из контекста ясно, какой именно груз имеется в виду; *irruptens* («врываюсь») – как *вбѣжавши* (притча 7), что понятно также из контекста. Встречается и один пример ошибочного перевода: для *animo inconsultos* («душой безрассудные») выбирается следующий вариант перевода: *оумом не совѣтны* (притча 2), что связано, скорее всего с неправильным выбором значения, так как у слова *inconsultus* есть и значение «не получивший совета, без совета».

8) Замещающая – подразумевается практически редактирование текста, что влечет некий семантический сдвиг. Например, *observaturum* (причастие от

«наблюдать») переводится как *подстерегать* (притча 7), потому что переводчик посчитал, что в данном контексте этот глагол лучше отражает суть повествования.

Чаще всего переводчик прибегает к дополняющему, сокращающему, адаптирующему техникам перевода, а также комбинирует разные техники, что подтверждает мысль о его желании сделать текст притч более понятным. Этой же цели служит пояснение Копиевским некоторых слов в самом тексте перевода: *лярву, сиртьчь страшило подобіе лица и главы человеческїя* (притча 2); *ω многородїи сиртьчь множествъ плодовъ своихъ* (притча 3). Все это (как и наличие элементов редактирования и использование техники контекстно-семного перевода) говорит о литературном мастерстве переводчика.

Интересно отметить, что в некоторых случаях мы встречаем лексическое варьирование. Например, и глагол «mandavit» (поручил, доверил), и глагол «hortabatur» (рекомендовал, побуждал, советовал) переводятся одинаково: *повель*. То же – с существительными «calamitas» (бедствие, несчастье) и «infortunia» (бедствия, несчастья), которые переводятся как *погибель*.

В некоторых случаях у Копиевского, наряду с церковнославянской и русской лексикой, встречаются украинизмы, например *хопилася* (схватила).

На основании вышесказанного делаем вывод о том, что при переводе с латыни Копиевский пользуется разными техниками, стремясь приблизить к живой речи лексику, делая тем самым текст более доступным. При этом грамматику в целом он сохраняет гибридной, что отражает его поиски наиболее адекватного языка перевода.

Литература

Максимович К.А. Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе. М., 2008.

Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. / Сост. Т.А.Быкова, М.М.Гуревич. Ред. и вступ. статья П.Н.Беркова. М., Л., 1958.

Притчи Эссоповы на латинском и русском языке... Амстердам, 1700.

Формирование словаря любовных отношений в России XVIII века (на материале «Любовного лексикона» Дре дю Радье)

Лукашук Анна Сергеевна

Аспирантка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

XVIII век в России представляет собой переломную эпоху, в которую происходит интенсивное освоение новых концептуальных парадигм. На смену средневековому типу общества приходит новое, которое остро нуждается в выработке своего языка культуры, регламентирующего разные стороны светской жизни человека [Живов 2009: 12]. Одной из таких сторон является система куртуазных отношений. В этот период происходит переосмысление темы любви, поскольку древнерусская культура, будучи частью культуры Slavia Orthodoxa, признавала только любовь в духе идей византийского христианства, а любовь-страсть понималась как греховный блуд и на нее налагался запрет [Панченко 1973: 18; Сазонова 1999: 127-128]. В связи с этим, именно в XVIII в. создаются своеобразные лексиконы, которые содержат рассуждения о любви и устанавливают нормы выражения нового галантного поведения [Лотман 1992: 23; 2001: 381]. Одним из таких лексиконов является «Любовный лексикон» Дре дю Радье, переведенный в 1768 г. А.В. Храповицким.

«Любовный лексикон» состоит из расположенных в алфавитном порядке 128 статей, в которых раскрываются понятия, относящиеся к этике любовных отношений (*волокига, желание, женитьба, любовник и любовница, непостоянство, ревность, совместник, страдание* и др.). Каждое понятие снабжено комментарием, где раскрывается его значение; кроме того, в лексиконе часто задаются нормы любовного поведения и даются определенные советы в любовных отношениях (например, советы

дамам, как вызвать любовь мужчин). Предполагается, что «по таким лексиконам русские дворяне учились галантному обхождению и науке любви» [Сазонова 1999: 127-128].

Появление новой культурной парадигмы влечет за собой появление новых слов, составляющих ее основу. Но, как отмечает В.М. Живов, появление слов новой культуры не всегда связано с заимствованиями, возможны семантические переосмысления слов, уже существующих в языке [Живов 2009: 13-15]. В этом можно убедиться, обратившись к становлению словаря любовных отношений. Поскольку в книжной культуре не было слов, участвующих в передаче понятий любви, а те, которые имелись, принадлежали к семантическому полю греховного и предосудительного, то, как показывает материал «Любовного лексикона», в формировании любовного словаря можно выделить три основных направления. Во-первых, это заимствование новых слов, например, из греческого и латинского *Аргус*, *Гименей*, *Грации*, *Купидон*, *Фортуна* (обозначающие имена героев античных мифов, так или иначе связанных с темой любви), а также появляющиеся непосредственно в XVIII в. из французского, такие слова, как *коккетствовать*, *мода*, *неглиже*, *тет-а-тет*. Например: «*Купидон* – богъ любви, произшель отъ воображения стихотворцевъ, кои его представляютъ крылатымъ младенцемъ съ завязанными глазами, держащимъ лукъ и стрелы» (с. 35). «*Неглиже* есть Французской манеръ одеваться, которой въ новейшия времена, съ многими нарядами къ намъ выехали... его притворной безпорядокъ открываетъ некоторыя прелести, закрываетъ недостатки, однимъ словомъ, все лучшее еще лутшимъ делаетъ» (с. 43-44).

Во-вторых, это семантическое переосмысление ранее существовавших слов, получивших в рамках новой культуры иное значение, например, *заразы*, означавшее «болезнь, порча нравов» и приобретающее в XVIII в. значение «женские прелести, вызывающие любовное чувство»: «*Заразы* – ...надлежитъ разуметь въ старинномъ значении, то есть, принимать за приятное соединение всехъ прелестей, нежностей, одним словомъ, всехъ совершенствъ составляющихъ несравненную красоту» (с. 28). Или слово *прелести*, которое до XVIII в. имело основное значение «обман, коварство, соблазн», а в последующем становится синонимом слову *заразы*: «Когда уже заразы и красота употреблены въ расхоть, то чтобъ не повторять теже слова, приходятъ на умъ прелести».

В-третьих, в рамках новой культурной парадигмы нейтральные, общеупотребительные слова могут приобретать дополнительные коннотации, которые позволяют данным словам участвовать в передаче любовных смыслов, например, лексема *пастухъ*, которая имеет значение «человек, который пасет стадо», в определенных контекстах, связанных с любовной, пасторальной тематикой, приобретает дополнительную коннотацию «страстной любовникъ» (с. 52). Или существительное *алмазы* со значением «драгоценный камень» отмечено в «Любовном лексиконе» с пояснением «Алмазы, думаю, засуживаютъ место въ Лексиконе, посвященномъ прелестному женскому полу. Они, такъ какъ и все дорогая камня служатъ красавицамъ для убору, придаютъ больше сияние красоте... Ихъ также уподобить можно магниту: ибо они имеютъ силу привлекать любовниковъ». Т.е. акцент делается на притягательной силе обольщения с помощью данного камня.

Таким образом, рассматривая способы отбора, структурирования, переосмысления, появления новых оттенков значений в процессе становления любовного лексикона XVIII в., можно говорить о том, что формируется лексическое ядро, связанное с тематикой любви, женской красоты, поклонения и ухаживания, происходит риторизация любовного поведения. Это заставляет говорить не только об истории слов, но и об истории понятий, которые формируют новую парадигму, своеобразный сценарий куртуазной культуры.

Литература

- Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 5–26.
- Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т. II. Таллин, 1992. С. 22-28.
- Лотман Ю.М. О роли типологических символов в истории культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 371-385.
- Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- Сазонова Л.И. Переводной роман в России XVIII века как ARS AMANDI // XVIII век. Сборник 21. СПб., 1999. С. 127-139.

Идеальный мир в произведении Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»

Павлова Дарья Олеговна

Студентка Самарского государственного университета, Самара, Россия

Произведение А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» в основном рассматривается как антикрепостническая бунтарская книга. Радищев ярко показал все зверства, которые происходили в России конца XVIII века. Но мне стала интересна другая сторона этой книги, а именно к чему стремился Радищев, какой мир он хотел построить, убрав все пороки. Поэтому своей задачей в данной работе я ставила вычленить и сконструировать идеальный мир данного произведения. По моему мнению, идеальный мир должен состоять из следующих основных составных частей: идеальное социо-экономическое и политическое устройство, идеальный правитель, идеальные люди и другие идеальные культурно-общественные элементы и ценности. Такой структуры я и придерживалась в ходе данной работы.

Идеальный мир в данном произведении представлен очень обширно. Некоторые его черты можно найти практически в каждой главе. Напрямую он представлен через какие-либо вставные элементы (например, сон путешественника, «проекты в будущем», написанные каким-то знакомым рассказчика, ода Вольности, сочиненная случайным собеседником), а также личные рассказы случайных встречных (например, поучения сыновьям креститского дворянина, мечты Аннушки, стремления г.Крестьянкина). Понять, каким должен быть идеальный мир, можно и путем «от противного», то есть находить противоположности тем отрицательным элементам, которые есть в существующем в данном произведении мире.

1. Идеальный политический строй, по мнению автора, заключается в следующем: народное правление, уничтожение придворных чинов, главенство закона, отсутствие внешних и внутренних врагов, авторитет на мировой арене. В выборе формы правления между самодержавием с просвещенным добродетельным монархом и демократией автор склоняется ко второму.

2. Идеальная экономика у Радищева выглядит достаточно реальной. Она включает в себя развитие внешней и внутренней торговли, отмену крепостного права, наличие у крестьян собственности.

3. Идеальное законодательство подразумевает ясные справедливые и гуманные законы, незыблемость закона, равенство всех людей, в том числе перед законом, наличие гражданских прав и свобод, особенно свобода книгопечатания, ответственность и неподкупность судей.

4. Черты идеального социального устройства – это отсутствие сословной иерархии, награды за заслуги перед отечеством, запрет проституции, обоюдные браки, приоритет семьи.

5. О развитии духовной сферы говорится во многих главах, когда описываются идеальные люди. Ей присущи следующие черты: развитие науки и искусства, присутствие религии, но не предрассудков и церковных обычаев, веротерпимость, просвещение на родном языке, законы единожития и общежития, то есть упражнения для собственного духа и тела, взаимопомощь, взаимоуважение людей в обществе, коллектив друзей. Чтобы построить идеальное общество, нужно с самого детства воспитать добродетельное сердце и слушаться его на протяжении всей жизни.

6. Помимо этого в идеальном мире царит гармония, всеобщее счастье, братство и дух коллективизма, плодородные почвы, отсутствие голода.

7. Кроме этого перед нами довольно четко вырисовываются те идеальные люди, которые должны населить этот мир. Это, прежде всего, русские крестьяне (Анюта, ее мать, Иван, клинский старец, пахарь из Любани и так далее): среди них практически нет ни одного отрицательного образа. Они красивы внешне, от природы, трудолюбивы, дружелюбны и гостеприимны, всегда думают не только о себе, но и обязательно о ком-нибудь еще заботятся (дети, сестры, престарелая мать и так далее), в них есть некая естественная мудрость и понимание мира. Идеальными также являются некоторые дворяне, встретившиеся путешественнику (да и он сам тоже): это г. Крестьянкин, крестичский дворянин-отец и его сыновья, приятель Ч..., дядя Ванюши из Городни, автор проектов, Стихотворец и так далее. Главными их идеальными чертами являются забота о ближних, сострадание крестьянам, деятельность на пользу общества, некое прозрение и понимание истины, образованность, слушание сердца и разума, любовь к Отечеству, главенство добродетели, борьба с существующим неидеальным строем.

В итоге, получается очень интересный мир: 1) Он похож на сказку (изобилие, плодородие, предельная развитость всего); 2) В нем явно чувствуются черты реально возможного мира и, в то же время, просветленческих утопий (политико-социальное и экономическое устройство, планы, как к этому прийти); 3) Это не просто статичный предельный пункт, где каждый обретет все, что пожелает и будет отдыхать, а мир, где действуют общественные законы прежде естественных и где каждый будет работать, причем труд его легок и весел. В добавление к этому, в оде мы видим дальнейшее необратимое крушение этого идеального мира, своеобразный круговорот от безвольности к разрухе, затем к всеобщему счастью, что опять вскоре приведет к самодержавию. То есть идеальный мир Радищева – это своеобразный промежуток времени, вершина всеобщего процветания, когда всем хорошо и к чему нужно всегда стремиться, никогда не прекращая трудиться, так как именно в работе есть гарантия жизни.

Радищев оказался намного дальновиднее, чем некоторые просветители 18 века и революционеры 20 века, его идеальный мир менее требователен и, следовательно, более реален. Так верхом его мечтаний, по моему мнению, остаются свободный труд и семейное благополучие, которые он так трогательно описывает, не подвергая никаким сомнениям.

Взаимодействие немецкого, русского и латинского языков в ранних трудах российской германистики

Пиперски Александр Чедович

*Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Обучение немецкому языку как иностранному широко распространилось в России только в XVIII веке. Первая грамматика немецкого языка, предназначенная для носителей русского языка, вышла в свет в 1730 г., а в 1731 г. появился и первый словарь — «Teutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache. Нѣмецко-латинскіи и рускіи лексиконъ купно съ первыми началами

русского языка» (СПб., 1731), созданный на основе немецко-латинского словаря Э. Вейсмана («*Lexicon bipartitum Latino-Germanicum et Germanico-Latinum*», выдержал несколько изданий начиная с 1673 г.) [Koch 2002: 222]. На некоторых примерах из «Лексикона» нами будут рассмотрены стратегии, которыми пользовались основоположники российской германистики в своей работе.

Так как словарь создавался на базе латинско-немецкого словаря, переводчики оказались в сложной ситуации взаимодействия трех языков. Интересно выяснить, какое влияние на русские переводы оказала немецкая часть словаря, а какое — латинская. В предисловии сами переводчики дают ответ на этот вопрос, но немецкий вариант текста расходится с русским: если верить русскому, то они «за неимѣнїемъ совершеннаго знанїя въ Нѣмецкомъ языкѣ толко Латинскому послѣдовали», а если верить немецкому, то они ориентировались не **только** на латинский, а **больше** на латинский, чем на немецкий («*in Ermangelung einer vollkommenen Känntnüß der Teutschen Sprache sich mehr an dem Lateinischen gebunden*»). Видимо, именно слишком скромная русская версия предисловия привела к тому, что историки языкознания порой оценивают этот словарь пренебрежительно — например, С. К. Булич пишет, что «в словарь вкралось много грубых ошибок» [Булич 1904: 324]. Однако ясно, что, даже несмотря на ошибки, ценность «Лексикона» преуменьшать нельзя, а некоторые погрешности исследователь может «благодарно извинить», как просят сами переводчики в предисловии.

Действительно, некоторые переводы в словаре сделаны с латинского и немецкому не соответствуют. Вот один пример — статья «*Befehlhaber, mandatarius*, тотъ которому указъ дается». Нем. *Befehlhaber* означает ‘командующий’, а латинское *mandatarius* — это буквально ‘человек, наделенный полномочиями от вышестоящего лица’, то есть человек, который получает и указ, и право отдавать указы. Русский перевод отражает только один из этих двух компонентов значения латинского слова, причем тот, который не соответствует немецкому. Латинское влияние порой заметно в грамматике переводов. Например, в статье «*Nett, nitide, apte*, чисто, изрядно, хорошо, пригожо, красно, *s. zierlich*» часть речи русского перевода обусловлена латинским переводом, где использовано наречие (немецкое прилагательное *nett* и наречие *nett* формально не различаются, но более естественным переводом с немецкого было бы прилагательное).

Однако порой переводчики все же ориентировались на немецкий язык сильнее, чем на латинский. Так, в статье «*Kränzlein*» приводится пример «*Kränzlein verlieren, (de puella,) virgo cecidit*, погубити дѣвство, чистоту». Здесь актантная структура русского перевода приближена к немецкой, а не к латинской. То же наблюдаем в случае «*von der Kranckheit sehr matt werden, morbus detrivit omnes nervos & vires*, обезсилѣти отъ скорби, отъ болѣзни».

Составители словаря в своих русских переводах не слепо следуют за языками оригинала. Они не стесняются использовать и русские фразеологизмы, пословицы и поговорки, хотя порой и в этом испытывают иноязычное влияние. Так, в статье «*neun*» находим пословицу «*hinter neun Wänden verborgen liegen, centum clavibus servari penitus occultum*, за девятью стѣнами спрятану, крѣпко сохранену быти, за сто замками лежати». Латинское крылатое выражение *centum clavibus servari*, восходящее к Горацию (Hor. Carm. 2.14, 26), и его немецкий эквивалент переведены тремя способами, два из которых включают в себя предметные реалии — «девять стен» и «сто замков». В первом случае дословно переведена немецкая версия, но получилось не устойчивое русское выражение — в других источниках «за девятью стенами» не встречается. Однако во втором случае, который явно инспирировало латинское слово *clavis*, используется существующее в русском языке устойчивое сочетание. Его реальность подтверждают другие тексты XVIII–XX в. — ср., напр., рязанскую народную песню, записанную в конце XIX в.: *Я сижу та у батюшки, / У радимай*

сваёй матушки, / Я и за ста замками сижу, / Я за двести старажами сижу [Семенов 1894: 290].

Другой пример — статья «Kosten», где приводится поговорка «es mag die Kosten nicht austragen, *fructus non respondet labori*, цукомь по грибы ъздить, дороже коровы подоиникъ станеть». Первая из двух русских поговорок действительно существовала, но вторая всего лишь была создана из русского материала. В. И. Даль [1872] приводит пословицы, где упоминаются корова и подоиник, например: «Будет корова, будет и подоиник», «На корову стало, хватит и на подоиник», «Взял корову — возьми и подоиник», «Осерчав на корову, да подоиник обзешь», «Не купив коровы, да завел подоиник». Все они имеют семантический инвариант: подоиник противопоставляется корове как нечто малоценное, незначительное. Однако именно такой вариант пословицы, как в «Немецко-латинском и русском лексиконе», не обнаруживается ни в сборниках пословиц, ни в текстах.

Таким образом, составители словаря весьма ответственно подходили к своей работе, в одних случаях ориентируясь на латинский язык, а в других — на немецкий, при этом не рабски следуя языкам оригинала, а творчески используя и материал русского языка.

Литература

Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904.

Даль В.И. Пословицы русского народа. 2-е изд. СПб, 1872.

Семенов О.П. Песни Рязанской губернии // Живая старина. Год 4, вып. 2. СПб., 1894.

Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin; New York, 2002.

Особенности адаптации иноязычной лексики в русском языке Петровской эпохи (на материале текстов путевых записок и словарей)

Ротарь Виктория Владимировна

Аспирантка Московского государственного областного университета, Москва, Россия

В истории русских лингвистических учений интерес к «чужим» словам тесно связан с развитием лексикографической традиции. Исследователи отмечают, что глоссировка рукописного текста в Средние века на Руси была «самой естественной, но вместе с тем и своеобразной формой, в которой излагались знания о лексической семантике» [История русской лексикографии, 1998: 36]. Как правило, толкования значения требовали элементы книжной письменной культуры, к числу которых относились и слова из классических языков.

Количественный фактор процесса заимствования Петровской эпохи предопределил появление новых функций иностранных слов в языке. Соответственно, появилась потребность кодификации материала, ставшего частью активного словаря русского языка начала XVIII века.

Первые работы лексикографического характера, посвященные новообразованиям иноязычного происхождения (словари И. Ф. Копиевского и Ф. П. Поликарпова-Орлова, «Лексикон вокабулам новым по алфавиту»), преследовали цель отбора необходимых слов в условиях перенасыщенности русским языком иностранной лексикой. Помимо этого, эти словари предназначались для нужд школьного обучения, что предполагало закрепление их материала в речевой практике носителей языка с точки зрения разработки языковой нормы.

Лексикографические работы эпохи правления Петра I различны по функции и типу организации материала. Словари Ф. П. Поликарпова являются переводными, «Лексикон вокабулам новым» — толковый словарь неологизмов иноязычного происхождения. Тем не менее, их характеризует общность подхода к отбору единиц для описания. В «Лексиконе трязычном» «славянские заголовочные слова и

словосочетания являются <...> переводами следующих за ними греческих и латинских слов и словосочетаний» [Биржакова 2010: 42]. В «Лексиконе вокабулам новым» иноязычные единицы уже имеют статус заимствований; тем не менее, их русские эквиваленты, как правило, выступают в качестве переводов значения языка источника.

Языковая рефлексия, направленная на новые заимствования Петровской эпохи, отражена и в ряде текстов иного жанра. В текстах путевой литературы П. А. Толстого, А. А. Матвеева, Б. И. Куракина и др. впервые используются единицы, значимые с позиции рядового носителя русского языка в период пребывания в иноязычной среде. О факте лингвистического осмысления нового материала говорит также использование авторских глосс — «переводов» лексем на русский язык, а также указания на их язык-источник. Таким образом, представляется возможным рассматривать глоссы к иноязычным словам в текстах «путешествий», — современниках словарей Ф. П. Поликарпова-Орлова, — как элементы кодификации нового лингвистического материала начала XVIII века.

Как правило, сопровождающиеся «переводом» в текстах путевых записок иноязычные лексемы, закрепленные впоследствии лексикографической практикой, являются терминами. Соответственно, в качестве эквивалентов также используются специальные слова, которыми располагал русский язык более ранней поры: (челобитные — *суплики*) («*Суплика* — челобитная» [Лексикон 1910: 379]). Получают устойчивые определения и единицы сферы военного дела: *фортеца* — верхний город, замок («*Фортеца* — крепость» [Лексикон 1910: 380]); *гвардия* — караул, сторожа («*Гвардия* — караул; или стража» [Лексикон 1910: 367]).

Известно, что большинство проникших в русский язык XVIII века иноязычных слов имеют своим источником классические языки — древнегреческий и латынь. Однако посредство новых западноевропейских языков послужило причиной изменения семантики исходных единиц. Следовательно, данные словарей Петровской эпохи, посвященных переводу латинизмов и грецизмов, показательны в отношении использования для толкования их значения средств русского языка. Последние в то же время приобретают статус эквивалентов к неологизмам из западноевропейских языков.

Перевод в словаре начала XVIII века латинского слова *publicus* как «всенародный» [Поликарпов 1704: 63] в значительной степени отражен при толковании заимствованного слова: «*Публичный* — явный, народный» [Лексикон: 376]. В путевых дневниках того же периода наблюдается иная тенденция семантического освоения иноязычной единицы: дифференциация значения при употреблении в разных функциональных сферах. С одной стороны, это слово оказывается востребованным в дипломатическом дискурсе: *публичный* (выезд) — явственный; с другой стороны, оно используется как элемент церковно-религиозной терминологии: *публично* (воздать благодарение) — соборно.

Процесс заимствования единиц непосредственно из латинского языка был живым в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют как лексикографические работы, так и тексты путевой литературы, где латинское слово *gradus* переводится как «степень» [Поликарпов 1701: 118].

В отношении семантики конкретных имен существительных наблюдается использование общеупотребительных для языка Петровской эпохи средств выражения денотативного компонента значения: «подсолнечникъ, *umbella*» [Поликарпов, 1701: 118] В путевых записках слово из итальянского языка *умбреля* переводится как «солнечник» (зонтик).

Способы толкования значения иноязычной лексики имеют значительное количество общих черт в словарях и в текстах путевых записок, созданных в первой четверти XVIII века. Применение их в соответствии с разными задачами, с позиции наблюдения над системой языка — с одной стороны, и с точки зрения реализации слов

в речи — с другой отражает процесс освоения новых лексических единиц в разных аспектах.

Литература

Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010.

История русской лексикографии СПб., 1998.

Лексикон вокабулам новым по алфавиту // Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. С. 363–382.

Поликарпов-Орлов Ф. П. Букварь славено-греко-латинский. М., 1701.

Поликарпов-Орлов Ф. П. Лексикон трезычный сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.

Правка рукописи Феофана Прокоповича «Розыск исторический...» и проблема нормализации книжного языка начала XVIII в.

Храпко-Магала Мария Валерьевна

*Студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

*Работа выполнена при поддержке
Совета по грантам Президента РФ
для поддержки молодых российских ученых
(МК-1256.2011.6)*

Предметом нашего исследования является отрывок из «Розыска исторического...» Феофана Прокоповича (1721 г.). Рукопись (РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 1245) выполнена писцом и содержит поправки рукой Ф. Прокоповича. Этот текст готовили к изданию в церковнославянской орфографии в Московской Синодальной типографии, однако в процессе допечатной подготовки решено было издавать его по этой же рукописи, но в гражданской орфографии в Санкт-Петербургской Синодальной типографии. Первые 8 страниц содержат редакторские исправления: они выполнены кинноварью и касаются графики и орфографии, морфологии, лексики, пунктуации. Жанр текста – общественно-политический трактат, написанный и изданный в поддержку Духовного регламента и учреждения Священного Синода Петром I. Текст был призван убедить публику в главенстве светской власти в лице Петра I над духовной властью – церковью. Несмотря на публицистический характер текста, необходимо отметить элементы церковнославянской гомилетики. Язык «Розыска» можно определить как гибридный церковнославянский (присутствуют грамматические элементы русского языка).

Анализ отрывка показывает образец письменной речи начала XVIII в. и восприятие этого типа языка образованным кругом людей, издателями и редакторами, являвшимися в ту эпоху, по сути, нормализаторами языка. Явления языка, которые требовали обязательной правки, наиболее ярко показывают положение русских и церковнославянских элементов в языке той эпохи. Можно выделить следующие оппозиции, в рамках которых справщик Синодальной типографии оценивал язык Феофана Прокоповича.

I. Гибридный / строгий церковнославянский:

1) Для прилагательных в Р. п. ед. ч. ж. р. в церковнославянской орфографии является нормативной славянская флексия *-ья / -ия* (*нет великия жены*). Но в книжно-славянских текстах наряду с ней возможна флексия русского языка *-ой / -ей* (*нет великой жены*) [Кутина: 33]. Эта флексия была характерна для приказной традиции и в книжной речи могла оцениваться современниками как «площадная» или «низкая» [Живов: 80]. В отрывке встречаются формы, характерные для гибридного языка (4 примера); справщик во всех случаях правит их на церковнославянские:

Исходный текст (Р. п. ед. ч. ж. р.)	Исправлено на
<i>власти Архіерейской</i>	<i>власти Архіерейскія,</i>
<i>власти никакой</i>	<i>власти никакія</i>
<i>войны первой</i>	<i>войны первыя</i>
<i>книги третьей</i>	<i>книги третія</i>

2) Подобная оппозиция также обнаруживается в вариантах окончаний прилагательных мн. ч. в Им. – В. п. В рукописи представлен вариант написания окончания ж. р. с –ї̑/-ы̑̑, характерный для приказной традиции, которая впоследствии найдет отражение в Типографских правилах 1733 г., грамматике Ломоносова, сочинениях о правописании Сумарокова и Тредиаковского. Этот вариант правится на стандартный церковнославянский: *сенатскі̑̑* (В. п., мн. ч., ж. р.) – на *сентатска̑̑*; *всенародны̑̑* – на *всенародна̑̑*.

3) В тексте мы находим исправления основ прилагательных на –*ский*. Например: (*Императоры*) *римскіи* правится на *римстіи*. Таких замен в тексте 6. Подобное изменение является специфически церковнославянской чертой: «Характерно соединение славянских форм – *ѣй, – ѣм* со специфически славянским смягчением (*ск<ст*) основы прилагательных на –*ский*. Это смягчение, имевшее место в Им. – Зв. мн. ч., Мест. ед. м. р., Д. и М. ед. ж. р. и М. ед. ср., характерная черта книжно-славянский текстов» [Кутина: 33].

4) Изменения касаются и предлогов: *съ властію* – правится на *со властію*; *къ всему народу* – на *ко всему народу*; *въ времѣ* – на *во времѣ*.

Подобные исправления, возможно, следует соотнести с установкой в словарях, составлявшихся Н.Н. Татищевым. В.М. Живов пишет о них: «Стремление противопоставить славянизмы и русизмы актуализировало прежде всего известные морфонологические и морфологические признаки, генетически разделявшие русский и церковнославянский, такие как полногласие/неполногласие, ж/жд... приставки *роз-/раз-, вы-/из-, в-/во-* и т. д.» [Живов : 44] Так как генетически приставки связаны с предлогами, к ним можно отнести данное утверждение В.М. Живова и говорить, применительно к предлогам, о тенденции к славянизации текста.

II. Украинский /великорусский:

1) В тексте часто встречаются формы, вызванные влиянием украинского языка. Все они последовательно правятся на общепринятые русские варианты, например: Р.п. мн.ч. *написов* – исправлено на *надписей*. Первая форма характерна для языка Ф. Прокоповича. Она складывается под влиянием народно-разговорной речи (распространение флексии –*ов* в Р п. мн. ч. парадигме имен м. р. на **ѡ*). В распространении этой флексии специалисты часто видят влияние украинского языка [Кутина: 24]. Само слово *напис* (м. р., склонение на **ѡ*) представляет украинский эквивалент слова *надпись* (ж. р., склонение на **ї*) [Словник].

2) Наблюдается также смешение графем *ѣ/и*, характерное для письменной культуры выходцев с Украины и типичное для книг западнорусской печати [Панов: 334–335]. Мы наблюдаем подобное смешение во флексии 3 л. ед. ч. глагола *усмотреть* и местоимениях (*вси, тих > всѣ, тѣх*). Глагол *усмотреть* спрягается по типу глаголов 4 тематического класса и должен иметь во флексии: *усморит*. В тексте рукописи на этом месте находится *ѣ* (*усмотрѣтъ*).

Таким образом, язык рукописи имеет черты, характерные для гибридного церковнославянского, украинского и русского разговорного языка. Правка обусловлена целью и жанром текста: в нем говорится и о высшей церковной, и светской власти, и, как следствие, пафос содержания должен быть отражен и в языке. Автор стремился сделать язык более понятным и близким светскому, что отвечало задачам новой эпохи и языковой программе Петра I. Допечатное редактирование должно было наделить его

маркированными элементами книжного языка, отражающие важность содержания и высокий статус.

Литература

Живов В. М. Внутренние конфликты в истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. М. 1990.

Кутина Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л.: 1981., С. 7–46.

Панов В.М. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2002.

Словник.net. Портал української мови та культури.

<http://www.slovnyk.net/?swrd=%CD%C0%CF%C8%D1&x=45&y=14>

О двух французских грамматиках середины XVIII века: к истории русской лингвистической мысли

Цветкова Надежда Викторовна

*Студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова Москва,
Россия*

*Работа выполнена при поддержке
Совета по грантам Президента РФ
для поддержки молодых российских ученых
(МК-1256.2011.6).*

XVIII век – период, когда отечественное лингвистическое пространство было максимально открыто для западной науки. Именно в эпоху Петра I и его преемников в России активно начинают изучаться иностранные языки, появляются грамматики немецкого (1730), французского (1730), английского (1766) и других языков. Крайне важно понимание того, как эти грамматики и учебники встраивались в уже существующую грамматическую традицию, созданную на материале церковнославянского языка в XVII – начале XVIII в. В нашей работе мы исследуем развитие русской лингвистической мысли на материале грамматик французского языка.

К середине XVIII века в России был создан объемный корпус подобных сочинений: немецкая грамматика Шванвица, переизданная 4 раза (1730, 1734, 1745, 1762), французская грамматика Декомбля (1730), французские грамматики В.Теплова (1762) и В.Бунина (1758).

Граматики Шванвица и Декомбля были переводными: Шванвиц сам переводил свое сочинение на русский язык, грамматику Декомбля переводил Иван Горлецкий [Булич: 323]. Пособия первой половины века либо писались носителями языка (грамматика Шванвица, французская грамматика г.Да Ла Валла (1752)), либо переводились (грамматика Декомбля), поэтому мы не можем считать их оригинальными грамматиками иностранного языка, написанными русскими авторами. Кроме названных пособий, «употребляли у нас и ходячие учебники, изданные в Европе» [Там же: 323].

К этой группе грамматик мы можем отнести и «Французскую грамматику, собранную из разных авторов г.Ресто, а на российской язык переведенную Васильем Тепловым». Перевод был осуществлен в 1750 году, но издан лишь в 1762. Перевод грамматики заслужил благосклонные отзывы М.В.Ломоносова и В.К.Тредиаковского, а сам В.Теплов был определен переводчиком при Академии наук [Там же: 345]. Это пособие переиздавалось 4 раза (последний – в 1787 году).

В начале грамматики приводится алфавит и простейшие правила чтения букв: «P,p – Пе, Q,q – Кю, R,r – Эрре». Фонетического материала здесь крайне мало, упоминаются лишь самые необходимые правила чтения. В разделе о морфологии нет значительных новшеств, но вот в разделе, посвященном «сочинению слов», мы находим краткие правила, следуя которым нужно составлять предложение на французском языке. Согласно этому руководству, «сыскать должно Именительный

падеж или то слово, о котором говорится», затем – глагол и «тот падеж, который глагол к себе принимает». Здесь говорится и о некоторых правилах пунктуации, в частности, о постановке тире (отметим, что тире еще не скоро войдет в систему русской пунктуации). Но в целом эта грамматика не является оригинальным сочинением, т.к. она следует уже заданной традиции перевода «ходячих учебников».

Вторая из исследованных нами грамматик французского языка, написанная в Сухопутном шляхетном корпусе подмастерьем Васильем Буниным (1758) – явление иного порядка. Она была адресована сыну князя Б.Г.Юсупова, занимавшего пост главнокомандующего Шляхетным корпусом – Н.Б.Юсупову.

Почему мы не можем отнести ее к предшествующей традиции? Во-первых, это одноязычная учебная грамматика, написанная русским автором (не носителем языка) для русских учащихся (опять-таки не для носителей языка). Поэтому терминология, которую использует автор, исключительно русская (в отличие от немецкой грамматики М.Шванвица (1730)), использование французских терминов здесь минимально: «Литеры – гласные (Voilles) и согласные (Consonness)».

Во-вторых, грамматика изначально была адресована не носителям языка (как переведенное сочинение г.Ресто), поэтому в начале помещается подробнейший (по меркам того времени) вводный фонетический курс. Алфавит тоже комментируется с помощью русских вариантов произношения («R – эрь, L – эль»), но здесь впервые используется таблица, названная «Произношение в кратце или Способ скоро научиться читать». Таблица разделена на три графы: «Выговаривай», «Как» и последняя не названа. В первой графе мы находим, например, сочетание «ai», во второй – способ чтения как «э», а в третьей – примеры слов, в которых встречается этот звук, их перевод и упрощенная транскрипция, например: «Air, воздухъ, эрь». До этой грамматики нам еще нигде не встречался такой способ представления фонетического материала, ставший очень распространенным и продолжающий свое существование до сегодняшнего дня.

В главе «О конструкциях вообще» содержатся правила из 12-ти пунктов, которые объясняют, как строить те или иные синтаксические конструкции на французском языке (например, «конструкция подтвердительной фразы», «конструкция вопросительной фразы» и т.д.). Это подтверждает то, что главнейшая цель этого пособия – приобретение учеником практических (разговорных) навыков.

Вероятно, эту грамматику можно считать одной из первых грамматик иностранного языка, написанной русским автором для русских же учащихся. Овладение учениками навыками устной коммуникации и быстрый выход на коммуникативный уровень были, по-видимому, важнейшими задачами автора при написании этого пособия. Не случайно это грамматика именно французского языка, который становился распространенным языком общения среди образованных дворян: на французском нужно было говорить, а не только осуществлять переписку или читать. Столь пристальное внимание автора к практической фонетике и синтаксису демонстрирует новое отношение общества к изучению иностранного языка.

Литература

Булич С.К. Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904.

Бунин В. Французская грамматика: С кратким употреблением на все части Сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе подмастерьем Васильем Буниным. СПб., 1758.

Теплов В.Е. Французская грамматика собранная из разных авторов г. Ресто; А на российской язык переведенная Васильем Тепловым. СПб., 1762.

Глаголы со значением распоряжения в деловом языке XVIII века (на материале памятников забайкальской деловой письменности)

Цыбикова Вера Александровна

Аспирантка Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, Россия

Памятники деловой письменности XVIII века предоставляют богатые возможности для изучения формирования лексических норм русского национального языка. Большой интерес, в частности, представляют собой распорядительные документы того периода. В силу своей жанровой специфики они содержат разнообразные языковые средства выражения приказа, распоряжения, предписания, требования и т.п.

В русском языке XVIII века широко употребительными были слова-синонимы со значением распоряжения – *приказывать*, *велеть*, *предписывать*, *наказывать*, *требовать* и др. Эти глаголы с теми или иными семантическими, стилистическим оттенками можно встретить в письменных текстах самых разнообразных жанров. Однако их семантико-стилистические различия формируются и отражаются наиболее наглядно в памятниках определенного функционального предназначения, определенной тематики и сферы функционирования.

Таким образом, опираясь на материал деловых текстов, исследование семантико-стилистических различий у лексем со значением распоряжения предполагает в первую очередь учёт особенностей жанров деловой письменности. Проблема классификации памятников деловой письменности донационального и национального периодов освещалась в трудах [Волков 1974], [Городилова 2003], [Качалкин 1988], [Котков 1980], [Майоров 2006] и др. К распорядительным (или императивным) документам XVIII в. ученые относят указы, приказы, инструкции, ордера, извещения, промемории и др. В зависимости от жанра документа у глаголов со значением распоряжения выявляются семантико-стилистические оттенки категорического/некатегорического предписания, официального/бытового распоряжения. При этом из приведенных выше слов в памятниках деловой письменности в активном употреблении отмечаются только три глагола – *велеть*, *приказать/приказывать* и *предписать/предписывать*.

Так, глагол *велеть* в документах распорядительного характера (в основном в указах) устойчиво используется в значении официального распоряжения: *в указе Его Императорского Величества ис Тоболска от великого гдѣна преосвященного Антония митрополита тоболского и сибирского велено переписать по сколку ...* (ПЗДП, 1, 1725); *послать доброго толмача которому велеть говорить пристойным образом дабы вышепомянутых взятых у означенного брацкого десять лошадей отдали в Россиискую империю без задержания* (ПЗДП, 2, 1730).

В то же время в документах другой функциональной предназначенности этот глагол встречается со значениями: а) бытового приказа – *И онъ тогда велель хозяйке ставит[ь] на столъ шарбы а я сказалъ ему что ужинат[ь] не хочу* (НАРБ, ф. 20, 1792, из сообщения); *И онъ Вяткинъ <...> началъ необычно харчат[ь] и появилас у него кров[ь] чего ради видя я такую неистовую причину и велел жене своей добыт[ь] огня* (НАРБ, ф. 88, 1769, из вопроса); б) «заставлять что-л. делать» – *Зайсан Убашей велель под полами и на вышкэ землю копати да пожитки искати* (НАРБ, ф. 1092, 1796, из вопроса); *Плюнул де мне в глаза и при том бранил всячески коего де я толко ударил раза три плетью, и велель протолкать коего де бывшие тут братские и увели* (ПЗДП, 31, 1766, из промемории); в) «запрещать (с отрицанием)» – *И в пути по лесамъ и ягодъ ясти не велели* (НАРБ, ф. 10, 1735, из вопросных речей).

У синонима *приказать/приказывать* значение официального приказа еще только формируется: неслучайно поэтому *приказать/приказывать* употребляется в документах различных жанров шире, чем глагол *велеть*. Однако императивная

категоричность в семантике этого глагола присутствует всегда: *Верхнеудинской городской магистратъ безотговорочно приказали об осрочке в казну пошлинных денегъ верить* (ПЗДП, 102, 1797, из протокола); *Бригадиръ приказал на кормъ тунгусамъ в пути до Иркутка выдать кормовых денегъ* (НАРБ, ф. 88, 1797, из прошения); *Симъ поступком со обеих сторон право челобитя было потеряно, то присутствующим приказано им было помирится и помирились, после чего им выговоръ учинень былъ* (ПЗДП, 58, 1783, из репорта); *Ваше превосходительство прошу от обитчиков зашитить и взятых насилно лошадей приказать отобрать* (ПЗДП, 86, 1785, из просьбы).

Глагол *предписать/предписывать* выступает со значением «приказывать, отдать письменный приказ о чем-нибудь» и употребляется так же, как и глаголы *велеть* и *приказать* в 3 лице ед./мн. ч., в форме страдательного причастия и инфинитива. *Указом предписано что все безъ изытия чины носили во всякое время положенной мундир* (ПЗДП, 13, 1798, из извещения); *Его Император'скаго Величества указомъ предписываетъ о прѣходе расходе и об осьтатке денежной казны ѥ провѣянта ведомостям показывано было на каждом магазейне* (ПЗДП, 25, 1798, из ордера).

Главное его отличие от глаголов *приказывать* и *велеть* заключается в том, что *предписывать* может употребляться перформативно: *Предписываю тебе книгѣ о приходе и расходе с документами отъ оныхъ впредь в узаконенное время представлять* (ПЗДП, 26, 1798, из ордера); *Я тебе главному шуленге предписываю для договора выслать поверенныхъ ѥли зделать снарядъ людей с лошадми на смену караулныхъ братскихъ ѥ по исполненіи сего вскорости мне донести* (ПЗДП, 18, 1796, из приказа).

Литература

Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974.

Городилова Л.М. Деловая письменность приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии. Хабаровск, 2003.

Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении: в 2 ч. М., 1988.

Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.

Источники

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П.Майорова. Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.